

УДК 141

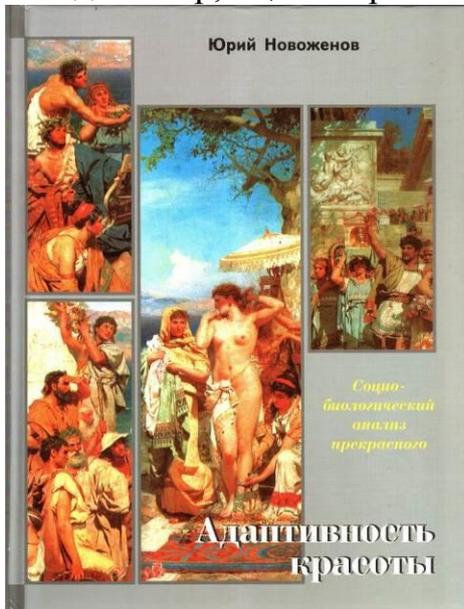
Ю.В. Линник

Петрозаводский государственный университет; НП «Водлозерский»,
г. Петрозаводск, Карелия

МИССИЯ КРАСОТЫ

Отзыв о книге: Новожёнов Ю.И. Адаптивность красоты. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2005. 480 с.

Красота многолика. Все вмещающий плюрализм – с установкой на толерантность и доброжелательность – был бы оптимальной позицией для её познания. Когда бы так! *De gustibus non est disputandum* – о вкусах не спорят: каждый из нас в этой сфере претендует на монополию. А если и заходит спор, то, как правило, тупиковый: не даёт позитивного результата.

Какой синтез? Какая дополнительность? В ретроспективе именно таким – обречённым на фатальную односторонность – видится мне известный спор *природников* и *общественников*, некогда бушевавший на полях советской эстетики. Но для тех лет он был отрадой! Всё-таки спорили. И при всей крепкости выражений доносов друг на друга не строчили. Много ли тогда было дискуссий? Партия любила единомыслие. А тут – явное разномыслие. И ведь очень контрастное!

Красота *объективна* или *субъективна*?

За этим вопросом стоит антиномия, которая если и имеет разрешение, то чисто конвенциональное. И хорошо! Проблема-то вечная. Чем больше подходов, тем лучше для истины. Однако паритет не исключает субординации. *Субъективное* эволюционно следует за *объективным*. Порождается им. Красота видится инвариантом этого процесса.

Великолепная книга Юрия Ивановича Новожёнова «Адаптивность красоты» – как мощная глыбина, положенная на чашу *природников*. Перевес обеспечен! Однако Юрий Иванович настолько широк, что оба стана для него – вне антагонизма: они как бы разведены на разные уровни – прямые стычки между ними ныне видятся как недоразумение. По крайней мере, лично мной именно так теперь воспринимается давняя баталия.

Бытие хочет быть. При чтении труда Ю.И. Новожёнова я не раз вспоминал эти слова А.Н. Скрябина.

Небытие – оно же и греческий *Μαιων*, и хайдеггеровское *Nichts*, и апофатическое *Единое*, уходящее от вербализации – властно зовёт назад: в своё всерастворяющее и всеобезличивающее лоно.

Как удержаться? Для этого Бытие обязано структурироваться – упорядочиваться – накапливать разнообразие. Спасительная тенденция! В нашем ценностном сечении она связывается с понятием *красоты*.

Или Бытие прекрасно – или Бытия нет.

Красота – *бытийна*.

Красота – *онтологична*.

Из этой фундаментальной предпосылки исходит Ю.И. Новожёнов. Будучи профессиональным биологом, он опирается прежде всего на реалии живой природы – отталкивается от них.

Цеховые предпочтения? А как же красота в неорганической сфере?

Вот кредо учёного: «*Эстетические ценности создаются естественным и половым отбором и не могут быть неадаптивными*» (с. 47).

Ведь это нельзя экстраполировать на космос! На мир кристаллов! На атом! Пусть так. Однако органическая целесообразность – основа рассуждений Ю.И. Новожёнова – укоренена в глубинах материи.

Вспомним *вариационные принципы* в целом – и *принцип наименьшего действия* в частности. *Maxtin!* Это же красотища. Так и хочется впасть в отъявленный гилозоизм.

Телеология была у нас жупелом. Под изящным псевдонимом – *телеономия* – она легализована кибернетикой.

Как ни крути, а знаменитый антропный принцип *телеологичен*: Вселенная здесь как бы преадаптирована к человеку – подогнана под его параметры. Или скажем так: симбиоз *макро-* и *микрокосма* был задан изначально – и это кажется чудом целесообразности.

Легко предвидеть и такой упрёк в адрес Ю.И. Новожёнова: биологизирует красоту – осуществляет nepозволятельную редукцию. Как у нас ненавидели социал-дарвинизм! А ведь совсем зря. Природа и общество: тут уйма и генетических связей, и системных параллелей.

Мы должны гордиться тем, что в России родился термин *фитосоциология* – спасибо за это озарение Иосифу Конрадовичу Пачоскому. А *эволюционная этика* Петра Алексеевича Кропоткина? А *эфроимсоновский ген альтруизма*?

Ю.И. Новожёнов развивает вполне определённую линию русской философствующей биологии. У него есть предшественники. И ведь какие!

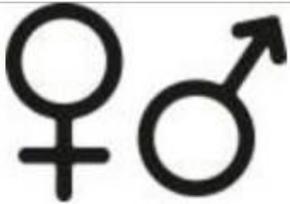
Бытие – *целесообразно*.

Его цель – быть в бытии: *бытийствовать*.

Бергсоновский *Élan Vital* начинается в хойловском *Big Bang*. Только так – не иначе! *Большой Взрыв*: разве это не *жизненный порыв* пробудившегося вакуума?

Ускорение нарастает по экспоненте. И это проявляется не только во всё более резком *красном смещении*, но и на совсем другом ярусе Универсума – в эволюции жизни. Одолевая энтропию, она круто поднимается вверх – стремительно взбегаёт по лестнице ароморфозов к своей неизъяснимой цели.

Это обретение бессмертия? На родовом уровне оно фактически достигнуто. И это стало возможным благодаря прекрасной бифуркации – вот она:

Расщепившись на два пола, жизнь открыла перед собой небывалые возможности для перетасовки генов – и это расковало её формотворческий поиск. Надо ли говорить о колоссальных эстетических последствиях великой новации? Они очевидны.

Половой диморфизм: без натяжки можно сказать, что в биоэстетике Ю.И. Новожёнова это осевая тема – вокруг неё вращается множество мыслей, образов, наблюдений.

Pistillum и *stamen*, *penis* и *vulva*: коадаптации тут поражают своим совершенством – красота буквально клубится вокруг них. Она иная, другая! Такой не было раньше.

Красота – теперь – аттрактивна. И витальна! У неё новое содержание – новая миссия – новая роль.

Весенний тетеревиный ток: быть может, сейчас это – средоточие Вселенной. Выявление её смысла! Пик её активности!

В книге рассказывается о том, как папуасы Новой Гвинеи подражают брачному поведению райских птиц – эта необычная форма *мимезиса* указывает на унисон между природой и социумом в сфере Эроса, трактуемой этологически. А не возможен ли тут единый стереотип, закреплённый наследственно? Такое вероятие нельзя исключить.

Учёный резюмирует: «*выборы птиц и человека совпали*» (с. 47). Надо ли стесняться этого единодушия? Хорошо, когда учёный наталкивается на *контрпримеры*, выламывающиеся из его схемы – они мобилизуют поиск. С подобными трудностями столкнулся и Ю.И. Новожёнов.

Как объяснить *ателические* – неприспособительные по А.А. Любищеву – признаки? Совместимо ли с идеей целесообразности явление *гиперморфоза*, которое и в самых крайних случаях отнюдь не ведёт к элиминации вида?

Роскошный павлиний хвост: вроде как это *гандикап* в смысле Амоса Захави – нечто заведомо уязвимое. Развивая – и одновременно парадоксализируя – концепцию израильского учёного, Ю.А. Новожёнов смотрит на феномен сквозь призму полового отбора. И что же? Кажущееся нецелесообразным являет свою сущностную адаптивность!

Далеко идущие выводы учёного поначалу шокируют – сбивают с «панталыку» – мнятся чем-то эпатажным.

Вот две цитаты в качестве примера:

- «*гандикап человека – это культура*» (с. 116);
- человеческий мозг – «*своеобразный гандикап*» (с. 117);
- ещё – прямо в поддых: мужской ум есть не что иное как «*вторичный половой признак*» (с. 107). И за тем, и за другим, и за третьим стоит Афродита! Нельзя её не заметить.

С чувством удовлетворения хочу отметить, что нахожу среди союзников Ю.И. Новожёнова двух своих любимых философов – апологетов целесообразности. Их разделяет почти 2500 лет. Это Сократ и И.А. Ефремов.

А.Ф. Лосев пишет о Сократе: «*Целесообразность у него – это как раз тот "критерий", то "основное положение", та смысловая общность, о чем мы говорили выше. Почему Сократ заговорил об этом телеологическом принципе?*».

Нетривиальный ответ на поставленный вопрос мы найдём у И.А. Ефремова: «*Наше чувство прекрасного, эстетическое удовольствие и хороший вкус, — всё это освоенный подсознанием опыт жизни миллиардов предыдущих поколений, направленный к выбору более совершенно устроенного, универсального, выгодного для борьбы за существование и продолжение рода*».

Этот *выбор-отбор-подбор* шлифовал формы, внося в них специфические черты, усиливавшие привлекательность особи. Книга подробно рассказывает о том, как антропогенез осваивал искусство стилиста, отработывая красоту человеческих глаз, нос, губ, *татта* – каждой из этих частей тела посвящён отдельный очерк.

Ювеналия! Эстетическим преимуществам юности посвящается специальная глава.

«*Красота и терморегуляция*»: где ещё вы сможете прочесть на эту вроде бы частную, но на поверку весьма существенную тему?

Биоэстетика обычно почерпывала материал у морфологии: в фокусе анализа – красота отдельного организма.

В книге впечатляюще показаны возможности нового – *популяционного* – подхода к проблеме. Качественно меняется методология! Результаты не заставляют себя ждать.

Ю.И. Новожёнов пишет: «*красота – это признак адаптивности популяции*» (с. 365). Порядок возникает из хаоса. Мутационная изменчивость для Ю.И. Новожёнова – ипостась хаоса: игру случайностей отбор использует в интересах повышения – через красоту – жизненности вида. Да здравствует вариативность! Благодаря ей генерируется антиэнтропийное разнообразие биоса.

Хочется сказать так: живая природа – это неисчислимое множество конкурсов красоты. Два судьи – естественный и половой отбор – неподкупны: принимаемые ими решения объективны и оптимальны.

Ю.И. Новожёнов показывает: в ноосфере тоже работают механизмы *изоляции* – культура знает свои Галапагосы, где сложились необычные, экстравагантные для европейца эстетические каноны.

Методы уральского учёного весьма продуктивны в плане *микроэволюции*. А как *макроэволюция*? Что теория естественного отбора может сказать о становлении основных планов строения, играющих роль своего рода архетипов – или первообразов, паттернов – красоты для крупных таксонов? Именно на их устойчивых матрицах расцветает популяционная изменчивость.

Быть может, *тихогенез* Ч. Дарвина здесь нужно дополнить *номогенезом* Л.С. Берга? Обе эволюционные концепции работают на разных горизонтах. Сталкивание их лбами – некоторое насилие: сами по себе они встретиться не могут – перепад высот разителен.

Когда Ю.И. Новожёнов без осуждения говорит об учёных, очарованных *«метафизическим стремлением растений к спиральной симметрии»*, то он определённо конвергирует с номогенезом (с. 342).

Адаптивное – целесообразное – полезное – утилитарное: как это совместить с известными положениями И. Канта? Он утверждал: эстетическое созерцание отмечено *незаинтересованностью* – оно *бескорыстно*.

Ю.И. Новожёнова беспокоит эта несостыковка. Прочитируем первоисточник: *«Красота – это форма целесообразности предмета, поскольку она воспринимается в нем без представления о цели»*. Как сие ни странно, но данный тезис И. Канта любили эксплуатировать эстетики-марксисты, которых Ю.И. Новожёнов явно недолюбливает (с. 69).

С этим надо разобраться. Уверен: И. Кант никак не является антагонистом Ю.И. Новожёнова – скорее тут имеет место или нейтралитет обеих сторон, или их неявное взаимодополнение. И. Кант испытывал чуть ли не мистическое благоговение перед целесообразностью.

Философ брался построить из материи космос. Однако его смущала сложность живого – *«Можно ли сказать: дайте мне материю, и я покажу вам, как можно создать гусеницу?»*.

Вот законы небесной механики: бери их за основу – и строй Солнечную систему. Но что мы знаем о целесообразности, воплощённой в развитии бабочки? И космос, и гусеница – *вещи-в-себе*. Оба феномена *трансцендентны* для познания. Если это качество имеет разные меры или степени, то мы вправе задаться таким вопросом: не является ли гусеница *трансцендентнее* космоса?

Попытки познать целесообразность – в соответствии с гносеологией И. Канта – должны порождать антиномию. В тезисе – редуционизм, в антитезисе – витализм. Разрешима ли эта коллизия?

Дополним И. Канта Э. Гуссерлем. Каким-то образом нам всё-таки удаётся интендировать *вещь-в-себе*. Целесообразность существования –

действительно без представления о цели! – неисповедимо переживается нами.

Об этом хорошо написал Б.Л. Пастернак:

*Я понял жизни цель и что
Ту цель, как цель, и эта цель –
Признать, что мне не вмоготу
Мириться с тем, что есть апрель...*

О каком понимании говорит поэт? О нутряном, подсознательном! Оно не проговаривается. Отсюда выразительная тавтология у Б.Л. Пастернака.

Остаётся прибегнуть к языку междометий? Это будут *восторженные междометия!* Через них непосредственно изливается радость бытия. Это целесообразно: жить в мажоре. Это сверхцелесообразно! Любая поддержка витальности полезна и выгодна.

В эпигамном поведении и животных, и людей существеннейшее место занимает *игра*. Много сказано о её бескорыстном характере. Ничего утилитарного! Резвящиеся лисята – самозабвенный соловей – импровизирующий Д. Гиллеспи: это *самоценно* и *самоцельно*. Но потому и адаптивно!

Речь идёт о высшей адаптации. В ней мы осваиваем божественную свободу – прилаживаемся к ней – обживаем её. Эстетика целесообразности И. Канта интересно смотрится в сопряжении с его априоризмом.

И. Кант различал *априорное* и *врождённое* – тогда как К. Лоренц дерзнул отождествить их. Если прав К. Лоренц, то наше эстетическое восприятие – включая реакцию на гармонию адаптивных структур – может иметь наследственные задатки. Это близко к точке зрения И.А. Ефремова. Отсутствие *представления о цели* тогда и впрямь не должно удивлять. Всегда ли мы должны рефлексировать то, что имманентно человеку – присутствует в нём прежде и помимо всякого опыта? Мировая целесообразность пронизывает и напитывает всё сущее. Мы – в ней, она – в нас. Кантовский трансцендентальный субъект – некая соборная сверхличность, в которой каждый пребывает полно и цельно – не ошибается в эстетических оценках.

Когда и где нас преадаптировали к земной красоте? Ещё в вечности!

В книге Ю.И. Новожёнова мы встречаем такой подзаголовок: «*Непобедимость красоты в её адаптивном разнообразии*» (с. 439). Сильно сформулировано! Хочется поддержать оптимизм выдающегося учёного. Ему ли не знать, как важна для эволюции популяционная изменчивость?

Разнообразие создаёт информацию – информация работает против энтропии. И наоборот: нивелировка – сглаживание разнообразия – всегда сопутствует необратимой деградации и вымиранию.

Проецируя эти соотношения на ноосферу, Ю.И. Новожёнов высказывает свои соображения по поводу глобализации – она в его глазах является источником энтропии.

Поддаётся ли этот процесс контролю? Можно ли его ослабить – свети на нет – что-то противопоставить ему?

Ю.И. Новожёнов использует в своём философствовании оппозицию «автаркия (= самобытность и уникальность этносов) – интеграция (= стирание бесценных различий)». Интеграция берёт верх над автаркией? Я бы не спешил с конечными выводами. Алармизм преждевременен!

Мы видим, как современная культура генерирует разнообразие в его новых формах – порой очень ярких. Наличествует прирост, а вовсе не убыль. Когда ещё выбросы информации были столь интенсивными? Объединение человечества содействует не только осознанию, но сохранению всего неповторимого, исключительного – вокруг этнической старины складывается культовая атмосфера.

Конечно, есть и потери. Причём существеннейшие! Но в целом мы наблюдаем фазу развития, которую К.Н. Леонтьев удачно назвал «цветущей сложностью». За этой метафорой стоит *негэнтропия*. Она прирастает. Жизнь и разум пластичны. Они сопротивляются всему усредняющему, обесцвечивающему. Адаптациогенез продолжается!

Если Ю.И. Новожёнов размышляет о нашей продолжающейся эволюции, видя в качестве её энтелехии нового – в духе Ф. Ницше, но без имморализма – Заратустру, то это значит, что глобализация и для него не закрывает захватывающую, воистину романтическую перспективу (с. 331).

У Ф. Ницше сверхчеловек без скафандра вышел в открытый космос. Органично вписался в него!

Мир как волю к *adaptatio*: поверьте – это прекрасный мир. В чём и убеждает нас отличная книга Ю.И. Новожёнова.

Рецензент статьи: профессор Уральского государственного лесотехнического университета, доктор технических наук Р.Н. Ковалев.

**Открытое письмо Ю.В. Линника заместителю министра культуры
Карелии И.Г. Ивановой**

Уважаемая Ирина Гавриловна!

Должен Вас огорчить: я – жив.

Более того: продолжаю творчески работать, постоянно обращаясь к своей прекраснейшей библиотеке.

Говорю об этом по той причине, что всё никак не могу избыть и забыть шоковое состояние, пережитое мной более семи лет назад, когда вы пальнули мне в лоб своим предложением: взять да и подарить Левиафану своё книжное собрание.

Вы сказали так: *подарите нам*.

Кто *вы* такие?

Чем я *вам* обязан?

Почему должен делать такой роскошный подарок?

Напомню обстоятельства.

– У меня были материальные трудности: надо было срочно отдать долг за картины Ю.С. Ушакова дочери только что умершего друга – я находился в отчаянном положении; вот и попросил Министерство культуры РК помочь в форме покупки моих изданий на весьма скромную сумму.

– Параллельно известная Вам Наталья Ивановна Вавилова проявила благородное беспокойство в связи с тем, что я вынашивал план переезда – вместе со своим Музеем, для которого не нашлось места в России – в Германию; она и организовала встречу в МК, о которой я вспоминаю с неприятным чувством.

Как началось наше общение?

Не с обсуждения моих частных проблем – и не с вопроса о судьбе Музея.

Нет, Вы сразу повернули разговор в удобное Вам русло, что было для меня абсолютной неожиданностью.

Назвать ваше предложение *бестактным*?

Это слабовато.

Использовать эпитет *наглый*?

Думается, что он чрезмерен – но всё же ближе к истине.

Уж не посетуйте, но скорее тут надо констатировать – как бы помягче выразиться? – очевидную *неумность*.

И уж наверняка – *дурную воспитанность*.

Как же можно было подняться при таких данных до поста замминистра культуры?

Досадно и больно за свою страну, где подобные aberrации – в порядке вещей.

Предположим, что я положительно отвечаю на вашу идею – и жертвую тем, что для меня важнее воздуха.

Как жить после этого?

Впадаю в риторику для того, чтобы Вы попытались осознать, сколь несуразной – и болезненной для меня – является ваша незрелая идея.

Что я задолжал Левиафану?

Что доброго *вы* сделали для меня?

Вы – анонимно, и *Вы* – лично.

Будучи много лет директором Национальной библиотеки, Вы провели хотя бы один мой творческий вечер?

Организовали выставку моих книг?

Издали мою библиографию?

Ничего этого не было!

Принято у нас к юбилеям поэтов издавать однотомнички.

Минуло мне пятьдесят – потом шестьдесят лет. На носу семьдесят. А итоговой книжки так и нет. Да и Бог с этим! Но только соразмеряйте то, что даёте, с тем, что просите.

Замечу: я формирую и музей, и библиотеку для людей – но не для *вас*. Сам принцип собирания и комплектования отражает идею некоего общественного культурного центра. Моё дело давно вышло за черту частных интересов – оно альтруистично в своей основе.

Много интересного найдено за прошедшие с момента нашей встречи годы.

Вот все прижизненные издания Николая Клюева.

Вот ранний Михаил Пришвин с автографами.

Вот уникальные книги по Русского Северу – в Петрозаводске они есть только у меня.

Условия хранения и картин, и книг ужасающие.

Положение безвыходное.

Я родился в Сорочке – Белое море ощущаю как родное: поэтому в завещании главное отписал Архангельску. Если сберегу. Может так случиться, что жизнь вынудит распродавать – разбазаривать – собранное.

Так не хочется делать это!

Власть, которую вы достойно и адекватно представляете, не отличается глубиной интеллекта – ей присуща фатальная недалёковидность; она не умеет – и не хочет – строить подлинную культуру.

Ваши золотые посулы!

Где двухуровневая квартира, приспособленная для показа картин людям?

Где организация выставок?

Начали каталогизировать мою коллекцию – для регистрации её в Музейном фонде. Но даже и это небольшое дело без всяких объяснений забросили.

Зачем обманывали меня?

У вас имеется – уж простите за правду – некоторый дефицит и стыда, и совести. Бросаете безответственные обещания – и не понимаете, как это может отразиться на судьбе человека.

В чудесном немецком городке Мух мне предлагали современное здание для Музея.

Гарантировали достойную жизнь.

Я поверил вам!

Моя старенькая мать – ей оставался год жизни – тоже поверила: готова была стронуться с места.

Удивительная возможность упущена: немецкие друзья уже покинули сей мир. Да и какой переезд в мои годы? С возрастом корни крепнут – это чувствую всем нутром. Без России сгину.

Что теперь?

После разгрома КГПА я лишился нормальной работы.

Мыкаюсь.

Нищета усугубляется (и это на фоне бесценных духовных накоплений – я не рассматриваю их как свою собственность)

Подрабатываю в разных местах.

Живу на износ – силы уходят – годы берут своё.

Только недавно трезво осознал: Полимусейону не быть никогда.

Моя неостребованность в Карелии очевидна. Нелепо на это обижаться – Левиафана не переделать. Многим гораздо хуже, чем мне – так что нечего плакаться.

Но летопись вести надо.

Это условное письмо – страничка в историю.

Не вырвать – не затушевать.

Сделать нарицательным имя хотя бы одного чиновника от культуры – это благое дело. Хочу вложить в решение сей задачи свой литературный опыт.

Ирина Гавриловна Иванова – замминистра культуры республики Карелия при министре Галине Тойвовне Брун. Обе мне кажутся неподходящими для своих должностей.

21-26.09.2013